

ДОБРОТА И ЗЛОБА, или ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ ПАРАЛЛЕЛИ

Александр Никитин

...Рассвет 22 июня 1941 года начался с обстрела переднего рубежа нашей обороны. Самолёты со свастикой, звено за звеном, пролетали в сторону Шауляя, слышались разрывы бомб со стороны аэродрома.

Вскоре артиллерийско-миномётный огонь по нашему переднему краю прекратился — в бой вступили танки противника и, не встречая сопротивления, устремились по двум грейдерным дорогам в наш тыл. Их сопровождали бронетранспортёры с пехотой и мотострелки, вооружённые пулемётами и миномётами. Они артиллеристам не страшны, когда у них есть снаряды, а коллективы огневых расчётов хорошо сработались. У нас же всё было с точностью до наоборот.

Зная, что огневые расчёты подготовлены слабо, снарядов у нас мало, да и демаскировать себя нельзя, решил, что огонь откроет только одно орудие, и сам встал на место наводчика. Когда бронетранспортёр приблизился на дистанцию прямого выстрела, послал ему снаряд в баки горючего. Второй снаряд — шрапнелью — по пехоте, которая спрыгивала с горящего бронетранспортёра. Часть мотоциклистов тоже попала под эту шрапнель. Атака фашистов захлебнулась.

Но справа и слева противник прошёл в глубь нашей обороны километров на 10–15. В дивизионе только я знал, что за бугром справа проходит крепкая полевая дорога — ехал по ней, когда направлялся в Шауляй за назначением. Теперь я решил объехать этот бугор и встать на пути врага со своими четырьмя орудиями. Правда, у нас было мало снарядов, но задержать вражеских танкистов часов на восемь мы вполне могли. Однако всё получилось совсем не так.

Когда за нами прибыли посланные комдивом машины, противник уже успел перерезать дорогу. Через два километра наш передний автомобиль был обстрелян пулемётным огнём с обеих сторон. От ранения в голову и грудь я потерял сознание. Позже, уже в госпитале, бойцы, которые вместе со мной были легко ранены, рассказали, что орудия, идущие сзади, сумели картечью расчистить дорогу и прибыли в район нового расположения. Меня и шофёра спас местный житель.

У меня, как потом объяснили врачи, в стыке черепных костей торчал осколок — оболочка от пули. Она не смогла пробить кость, но в спай протолкнулась и сидела, видимо, крепко. Из черепа торчал только её маленький кончик. Но стоило хоть чуть-чуть тряхнуть головой, мои волосы, все в засохшей крови, цеплялись за этот осколок, и я терял сознание.

Старенькая врач-хирург увидела, что я открыл глаза, и спросила, согласен ли я на немедленную операцию прямо здесь.

— Рискованно, конечно, но необходимо. Иначе вы не доедете в тыл.

Александр
Иванович
Шеногин

Разговаривать я не мог — язык перебит, зубы словно срезаны. Врач, понимая это, предложила:

— Моргните, если готовы.

Я моргнул.

Врач закрепила голову каким-то кольцом, зацепила чем-то осколок, неожиданно сильно дёрнула и вытащила его. На какое-то время я снова потерял сознание, но, придя в себя, понял, что жить буду. Нас уже везли в тыл.

Так, с двух серьёзных ранений в голову и грудь, началась для меня война с фашистской Германией.

* * *

Когда прибыл в 544-й миномётный полк, здесь было уже 36 миномётов, которые, правда, перевозили пока только лошадьми. 20-миллиметровые мины не предназначены для стрельбы прямой наводкой по танкам. Зато миномёт — прекрасное оружие для того, чтобы отсекал наступающую пехоту от этих самых танков.

Но не зря говорится, что техника без человека мертва, и мне предстояло заняться обучением пехотинцев артиллерийскому делу. Принцип обучения солдат в бою «Делай, как я!» ещё не был забыт. К тому же теперь всё шло гораздо быстрее и качественнее — солдаты уже были обстрелянными, понюхавшими пороха людьми. Да и мы, офицеры, тоже кое-чему научились в прямых столкновениях с противником во время полупартизанской позиционной войны в зимние месяцы 1942 года. Всё это теперь нам очень помогло.

Памятен один бой, проведённый, считаю, с учётом всех полученных уже на войне навыков и, скажем так, нахальной смелости, приходящей с опытом.

Мне хорошо было известно, что миномёты не могут стрелять дальше шести километров, а глубина обороны противника в назначенном месте была гораздо большей. Нам пришлось два

раза сменить огневые позиции, а с конской-то тягой делать это ох как нелегко. Но когда дивизион вышел наконец на удобную точку, выяснилось, что пехота наша ни слева, ни справа продвигаться не смогла. Миномётный дивизион оказался в полуокружении. Что делать? Отступить? Снова менять позицию? Но та, которую мы заняли, была просто идеальной для предстоящего боя. И мы открыли огонь!

Только через сутки по следам нашего миномётного дивизиона прибыл батальон пехоты. Таким образом был расширен фронт наступления, и наши войска вновь устремились вперёд. За эту операцию меня наградили орденом Александра Невского и назначили на должность заместителя командира 544-го миномётного полка по строевой части.

А война, набирая скорость, всё катилась и катилась на запад. Теперь наши верные помощники, кони, были нам почти что обузой — за удиравшим моторизованным противником на лошадях не угнаться. Новые условия войны требовали новой техники. Командование решило реформировать наш 544-й миномётный полк с конной на механическую тягу и подчинить его Ставке Верховного Главнокомандования.

* * *

Подлый закон войны: во время наступления солдат гибнет чуть ли не в три раза больше, чем во время отступления или обороны. И каждый раз кажется, что потери эти имеют случайный характер, и каждый раз думаешь, что потерь этих можно было бы избежать. И хотя умом понимаешь, что на войне потери неизбежны, сердце долго скорбит о погибших, и не даёт покоя вопрос: «А нет ли в гибели боевых друзей и твоей, командир, вины?»

В бою под Минском мой однопольчанин погибал на моих глазах, и я не в силах был спасти его...

...В первые месяцы 1944 года после госпиталя прибыл к нам в полк старший лейтенант Мишулин. До ранения он командовал миномётным взводом. Теперь был назначен командиром взвода управления огнём батареи.

В бою под Минском старший лейтенант Мишулин заменил раненого накануне начальника разведки первого дивизиона 544-го миномётного полка и теперь должен был корректировать огонь наших орудий. Но неожиданно прорвавшиеся немцы окружили наших товарищей.

— Вызываю огонь полка на себя! Вызываю огонь на себя! — прорвался сквозь грохот боя голос Мишулина.

Сердце сжалось, как в тисках — человек жертвовал собой во имя общего дела, погибал за Родину... И с ним вместе гибли ещё двое — телефонист и радист. Спасать их я был бессилён.

— Родина вас не забудет! — только и смог сказать в телефонную трубку.

Ответа Мишулина уже не услышал — все батальоны полка по телефону приняли его команду: «Десять штук на ствол залпом — огонь!»

Холодный пот выступил у меня на лбу, в груди не хватало воздуха: на крошечном клочке земли величиной с привокзальную площадь почти одновременно разорвались триста шестьдесят смертоносных мин. Там, где сейчас находились Мишулин с телефонистом и радистом, бушевал огненный смерч. Все затянуло дымом и пылью. Возможно ли выжить людям там, где плавится металл и горит сама земля? Рация и телефон сразу же замолчали. Казалось, это длится целую вечность...

И вдруг через грохот боя прорывается голос телефониста:

— Докладываю: радист погиб, Мишулин крепко, очень крепко ранен или убит — не знаю. Связь только что восстановил. Но фашисты больше не лезут: танки горят, пехота залегла.

— Уходи! — кричу ему. — Задачу свою вы выполнили. Выноси Мишулина — живого или мёртвого! Высылаю помощь.

Немцы почувствовали, что огонь прекратился, и опять поднялись в атаку. Но к тому времени Мишулина удалось оттащить метров на 200, и фашистов встретили залпом уже не до десяти снарядов на ствол, а до сотни. Вражеские танки, пехоту — всё смешало с грязью и болотной жижей. На том пятачке живых уж точно не осталось...

Мишулина прямо с поля боя отправили в медсанбат, но по неизвестным причинам его туда не доставили. На все наши запросы в различные госпитали нам отвечали лаконично: «Не поступал». Родным Александра Мишулина отправили его личные вещи и письмо: «Погиб смертью храбрых, защищая свою Родину. Посмертно награждён орденом Боевого Красного Знамени». В День Победы помнили по-русски Александра Мишулина и радиста, который погиб вместе с ним и фамилию которого я, к сожалению, так и не смог вспомнить.

И вдруг спустя почти полвека 3 января 1993 года в селе Сима Владимирской области встречаю я... живого Александра Филипповича Мишулина! Правда, без ноги и с чёрной повязкой на глазу, но — живого! Он первым узнал меня:

— Командир! Александр Иванович! Живой?! И я ведь жив остался после того боя. Только вот... Что, не узнаете меня?

Смотрю на него — знакомый, очень знакомый человек, но верно, не узнаю...

— Да Мишулин я, Мишулин! Помните?!

И тут — вспышка памяти, словно молния... В один миг: война, бой под Минском, голос молодого лейтенанта: «Вызываю огонь на себя!»

* * *

На войне мне очень, очень повезло — вернулся к жене и детям живым! Конечно, ранения не обошли стороной, но после серьёзного в первый день войны три других можно и не считать: из боя не выходил, в госпиталь не ложился.

Не обошли меня и награды, и звания. После успешного взятия Осовецкой крепости без участия и помощи пехоты меня наградили орденом Красного Знамени и присвоили звание майора. К тому времени у меня уже было несколько медалей и два ордена: Отечественной войны I степени и Александра Невского. К концу войны вручили ещё один орден Отечественной войны и ещё один — Боевого Красного Знамени, не считая множества различных медалей.

Но к наградам, званиям, даже ранениям на войне как-то очень быстро привыкаешь. Самое страшное — это потеря боевых друзей. К гибели товарищей привыкнуть невозможно...

* * *

...Наш 544-й миномётный полк закончил свой боевой путь на Эльбе. В первых числах мая 1945 года нам была поставлена задача охранять бетонированную дорогу на Берлин от разрозненных фашистских группировок, которые не хотели сдаваться бойцам Советской Армии, а рвались на Запад — к нашим союзникам. К мосту через Эльбу мы вышли в ночь на 7 мая. Как положено, быстро заняли круговую оборону, так как пехоты с нами опять не было. В качестве прикрытия нам дали истребительный противотанковый полк. Теперь у каждого миномёта была ещё и пушка.

Мы не знали, взят или не взят Берлин, но в любом случае должны были выполнять поставленную перед нами задачу. Сразу же выслали разведчиков в тыл и за Эльбу. Один из них вскоре доложил: к Эльбе движется мощная колонна, впереди мотоциклисты, за ними бронетранспортёры, машины, танки — техники очень много. К тому времени мы успели уже подготовиться к бою: ещё ночью, как только прибыли на место, проверили расчётные данные, все 36 стволов миномётов и еще столько же 76-миллиметровых пушек застыли в ожидании фашистской колонны.

Мотоциклистов мы пропустили через мост. Дальше шли танки. Немцы уже, наверное, радовались — вот она, Эльба, осталось лишь преодолеть мост... По всему было видно, что это не битые нашими войсками фашисты, похоже, их держали в резерве.

Вот голова танковой колонны уже дошла до середины моста — дальше рисковать не стоило. В колонне двигались штабные машины, пропускать которые никак нельзя — они могли везти важные документы, карты, знамёна частей. Мы открыли огонь сразу из всех орудий и миномё-

тов. Можно представить, что творилось на мосту! Мина рвётся, едва касаясь поверхности дороги, и сметает всё живое вокруг. Пушечный снаряд пробивает танковую броню. И всё-таки часа четыре противник прорывался через мост. Начало темнеть, и немцы поутихли. Ночью они несколько раз пытались возобновить свои попытки переправиться через Эльбу, но и мы не дремали. К утру колонна отступила — на нашем участке фашисты не прошли.

Сколько в этом бою было подбито танков, сколько трофеев осталось на «нашем» берегу, сколько пулемётов, автоматов оказались на дне Эльбы и сколько погибло самих фашистов! Но что значат любые потери немцев в сравнении с теми, которые в этой войне вынес на своих плечах советский народ...

А на следующий день после безоговорочной капитуляции фашистской Германии наши войска были отведены из этой местности — она входила уже в зону влияния «союзников».

Почему слово «союзники» беру в кавычки? Да потому, что с первых же дней после капитуляции пропущенные «союзниками» части потрёпанных фашистских вояк не расформировывались, а оставались длительное время как бы в резерве, готовые в любую минуту снова взять в руки оружие и выступить против Советской Армии. Если теперь не за «Великую Германию», то за «новый порядок» под эгидой дяди Сэма.

И это не сегодняшние выводы. Так считали уже в конце войны все её участники. Знаю об этих настроениях из рассказов солдат и офицеров нашего 544-го Осовецкого ордена Кутузова III степени, ордена Александра Невского полка Резерва Главного Командования.

Таллинн — Москва